

Постель, как всегда, была мягкой и уютной, а аромат благовоний, зажжённых в комнате, был знакомым — он сам приготовил их и часто использовал. В комнате, кроме ровного дыхания, царила тишина, идеальная для сна. Однако почему-то Лу Цзюэ, хотя глаза его были закрыты, словно он ещё не проснулся, слегка хмурил брови, словно сон его был беспокойным.

Наконец он резко открыл глаза, сначала застыв в недоумении. Ощущение руки, плотно обхватившей его талию, стало невероятно ясным. Когда он слегка пошевелился, тёплое и слегка влажное дыхание коснулось его шеи. Шея всегда была уязвимым и чувствительным местом, и Лу Цзюэ почувствовал лёгкий зуд на коже.

Он молча смотрел на балдахин кровати, затем повернул голову, и перед его глазами предстало лицо юноши, мирно спавшего, прижавшись к его шее.

Се Цяо в этом году исполнилось восемнадцать лет. Его лицо уже потеряло детскую мягкость, теперь это было полностью взрослое лицо юноши: чёткие брови и глаза, прямой нос, плавные и твёрдые линии подбородка. Только во сне его губы слегка приподнимались, выдавая в нём черты того ребёнка, каким он был раньше.

Лу Цзюэ, разглядывая черты юноши в утреннем свете, подумал, что Се Цяо действительно вырос. Но откуда взялась эта привычка забираться на чужую кровать? Он учил его читать, писать, ездить верхом и стрелять из лука, но точно не учил карабкаться на чужие постели...

Раз уж он уже проснулся, то снова заснуть не получится. Поэтому он сложил указательный и средний пальцы и щёлкнул по лбу спящего юноши.

— М-м... — Се Цяо медленно открыл глаза, и его ясные, но ещё сонные глаза встретились с взглядом Лу Цзюэ. Зрачки его были тёмными из-за только что прерванного сна.

— Брат Хуайюй, ты проснулся? — Се Цяо выглядел сонным, но рука, обхватывающая талию Лу Цзюэ, сжалась ещё сильнее.

Лу Цзюэ почувствовал, как у него на виске задергалась жилка. Он резко сбросил руку юноши, приподнялся и, схватив его за воротник, поднял на ноги, скрестив руки на груди.

— Ну-ка, объясни, как ты снова оказался на моей кровати?

Юноша, кажется, окончательно проснулся. Он мельком взглянул на покрасневшее от его дыхания место на шее Лу Цзюэ, и в его сердце неожиданно возникло странное чувство. Однако слова его были чёткими и уверенными:

— Я лунатик.

Лу Цзюэ рассмеялся:

— Ты лунатик, который из своего дома добрался до моей кровати? И при этом выбрал именно мой выходной?

Вчера он только вернулся домой и заснул, не зная, который час. Кто знает, как Се Цяо умудрился в полночь с закрытыми глазами пройти через всю улицу и забраться на его кровать.

— Брат Хуайюй, — Се Цяо опустил глаза, его плечи ссутулились. — В моём доме, кроме слуг, только я один. Холодно... Даже те две глупые рыбки умерли два года назад, и больше никому со мной быть...

Он выглядел потерянным и жалким.

Лу Цзюэ, как всегда, поддался на эту уловку. Увидев его таким, сердце его смягчилось, и голос стал мягче:

— Тогда приходи ко мне жить открыто. Рядом твоя комната. Зачем тебе было ворваться ко мне ночью и занимать моё место?

— Я не врывался, — услышав это, Се Цяо поднял голову, его лицо стало серьёзным. — Как я мог совершить такое недостойное дело, как перелезть через стену? За твоим двором находится задняя дверь, и твоя мама давно дала мне ключ. Вчера я вошёл совершенно законно, никого не разбудив.

Лу Цзюэ: [...]

Увидев, что Лу Цзюэ хочет что-то сказать, но не может найти слов, Се Цяо понял, что ему удалось выкрутиться. На его губах мелькнула едва заметная улыбка, которая тут же исчезла.

— Брат Хуайюй, сегодня Праздник фонарей, и я приготовил для тебя подарок.

С этими словами он наклонился в сторону двери и крикнул:

— Сюй Лай, принеси то, что я приготовил!

— Слушаюсь!

Слуга с узкими глазами, услышав это, поспешно открыл дверь и с улыбкой вошёл в комнату Лу Цзюэ, неся в руках поднос с красным шёлковым одеянием. Он остановился перед кроватью, сначала поклонился, а затем поднёс поднос к Лу Цзюэ, обращаясь к Се Цяо:

— Ваше высочество, это одеяние, которое вы приготовили для господина Лу.

— Брат Хуайюй, сегодня надень это. Как раз Праздник фонарей, и новое одеяние будет кстати.

Се Цяо указал на одежду на подносе, его лицо выражало уверенность, что всё уже решено.

Лу Цзюэ, опершись одной рукой на колено, другой постучал по лбу Се Цяо, его лицо выражало смесь смеха и удивления.

— Ты весной даришь одежду, летом даришь одежду, круглый год даришь одежду, а теперь и на Праздник фонарей принёс одежду. Разве я успеваю всё это носить?

За последние годы почти вся его одежда была подарена Се Цяо. Даже его мать давно не вызывала портного в дом.

— Одежда — это то, что долго хранится. Брат Хуайюй, ты можешь носить её постепенно. Сегодня я уже принёс её, и если ты не наденешь, это будет пустой тратой.

Лу Цзюэ, услышав это, взял одежду с подноса, его лицо выражало лёгкую досаду и, возможно, даже тёплую привязанность, которую он сам не осознавал. Се Цяо, увидев, что Лу Цзюэ начал одеваться, снова улыбнулся и обратился к Сюй Лаю:

— Сюй Лай, ты хорошо отдохнул вчера в соседней комнате?

Сюй Лай не понимал, что хочет услышать его господин, но знал, что в доме Лу нельзя говорить ничего плохого. Поэтому он улыбнулся и ответил:

— Благодарю за заботу, ваше высочество. Я спал прекрасно.

— Вот видишь, — улыбка Се Цяо стала шире. — Моя комната и моя кровать, конечно, удобные. Тебе понравилось?

Сюй Лай, увидев улыбку своего господина, почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. В его голосе прозвучала искренность, когда он ответил:

— Мне... конечно, понравилось. Благодарю ваше высочество за то, что вчера уступили мне свою комнату.

Се Цяо посмотрел на Лу Цзюэ: «Вчера это не я хотел спать на твоей кровати, просто Сюй Лай занял мою. А в будущем... ну, нельзя же, чтобы Сюй Лай спал во дворе, правда?»

Лу Цзюэ, уже одевшись и поняв намёк Се Цяо: [...]

С появлением Сюй Лая даже служанки в комнате Лу Цзюэ остались без работы. Хотя Сюй Лай стал слугой Се Цяо только после того, как тот получил титул и собственный дом, за эти годы он хорошо изучил характер своего господина. Поэтому он относился к Лу Цзюэ с большим уважением и служил ему с особым усердием.

Завтрак в доме Лу обычно проходил в семейном кругу. Господин Лу и госпожа Лу, увидев Се Цяо за столом, не удивились — ведь он практически вырос в их доме. Они знали, что этот юноша близок с их сыном, и благодаря годам, проведённым вместе, относились к нему с ещё большей теплотой.

— О, Цзюэ, сегодня ты снова в новом одеянии?

Госпожа Лу, происходившая из семьи военных, говорила прямо и открыто. Перед началом завтрака она внимательно осмотрела своего сына.

— Опять от Цяо, да? Он считает тебя старшим братом и постоянно дарит тебе что-то. А ты, как старший брат, почему-то не даришь ему ничего?

Лу Цзюэ: [...]

Се Цяо подумал: «Я ведь дарю не “старшему брату”, и мне не нужно никаких подарков». На его лице появилась лёгкая улыбка, полная искренности.

— Тётя, это моя обязанность. В детстве я многим обязан вашей семье и брату Хуайюй. Я не могу отплатить за всё, что вы для меня сделали, поэтому дарю лишь несколько одеяний.

Он сделал паузу, затем добавил:

— Однако я не очень разбираюсь в женской одежде, поэтому просто передал вашей служанке несколько отрезов ткани и хорошую тушечницу.

Отец Лу Цзюэ был литератором, и его страстью были книги и коллекционирование тушечниц.

Госпожа Лу посмотрела на Се Цяо с ещё большей теплотой и любовью, а обычно сдержанный господин Лу тоже не удержался и улыбнулся. Лу Цзюэ, увидев, как его родители относятся к Се Цяо, слегка покачал головой, но на его лице тоже появилась лёгкая улыбка.

...

После завтрака Се Цяо, как обычно, последовал за Лу Цзюэ в его двор. Через некоторое время Лу Цзюэ начал тренироваться с мечом под большим деревом хаитэнг, а Се Цяо, скрестив руки, лениво наблюдал за ним, его тёмные глаза были прикованы к красной фигуре. Лу Цзюэ любил

носить шёлковые одеяния, но предпочитал те, что не имели широких рукавов. Обычно его запястья были перетянуты изящными браслетами — он был генералом, и это было удобно для тренировок и боя.

Се Цяо, наблюдая за ним, почувствовал лёгкое щекотание в сердце. Ему захотелось увидеть, как Лу Цзюэ будет выглядеть в одежде, которую носят учёные и чиновники. Он решил, что в следующий раз подарит ему такой наряд. Ему нравилось видеть Лу Цзюэ в одежде, которую он дарил — будто бы это был ответ на его скрытые чувства.

<http://bllate.org/book/15506/1377391>